
**«За царскую честь война весть»:
время и причины принятия решения
о начале войны с Речью Посполитой в середине XVII в.**

Вячеслав Козляков

**«To make war for the Tsar's honor»:
time and reason of decision
to start the war with Polish-Lithuanian Commonwealth in the mid 17th century**
Viacheslav Kozliakov (Esenin Ryazan State University, Russia)

Идея реванша Московского государства за поражения Смуты вызревала много лет, пока обстоятельства не привели к новой, надолго определившей развитие дальнейшей русской истории, войне с «Литвой» в 1654–1667 гг.¹ В последние годы правления царя Михаила Фёдоровича и в начале царствования Алексея Михайловича Московское царство и Речь Посполитая были на пути к общему миру, готовя союзные действия в противостоянии с Крымским ханством и Османской империей вплоть до смерти короля Владислава IV в 1648 г.² Однако вскоре произошёл поворот от мира к войне, во многом обусловленный борьбой гетмана Богдана Хмельницкого за независимость территории Запорожского Войска от Речи Посполитой.

В.О. Ключевский давно писал о «двусмысленных отношениях», установившихся между Москвой и Малороссией «с самого начала восстания Хмельницкого» из-за того, что «успехи Богдана превзошли его помышления». Стоит перечитать слова Ключевского: «Не понимая друг друга, и не доверяя одна другой, обе стороны во взаимных отношениях говорили не то, что думали, и делали то, чего не желали. Богдан ждал от Москвы открытого разрыва с Польшей и военного удара на неё с востока, чтобы освободить Малороссию и взять её под свою руку, а московская дипломатия, не разрывая с Польшей, с тонким расчётом поджидала, пока казаки своими победами доконают ляхов и заставят их отступить от мятежного края, чтобы тогда легально, не нарушая вечного мира с Польшей, присоединить Малую Русь к Великой»³. Как известно, в 1653 г. был созван Земский собор о «литовском деле», принявший решение о разрыве дипломатических отношений с Речью Посполитой и открывший процесс «воссоединения Украины с Россией».

© 2017 г. В.Н. Козляков

¹ См.: *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974; *Малов А.В.* Русско-польская война 1654–1667 годов. М., 2006.

² *Флоря Б.Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы во второй половине 30-х – 40-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 165–171; *Kozljakov V.N.* Zar Michail Fedorovič Romanov und König Władysław IV: der Weg vom Krieg zum Frieden // *Frühneuzeit Info* (Wien). Jahrgang 19 (2008). № 1. P. 21–26.

³ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3 // *Ключевский В.О.* Собрание сочинений в 9 т. Т. 3. М., 1988. С. 109–112.

Последний термин советской историографии «по привычке», без какого-либо политического подтекста и теперь используется в отечественной науке. В 1990-е гг. украинские историки отказались от этой «юбилейной» терминологии 1954 г. и в дальнейшем разошлись в оценках событий середины XVII в. с российскими⁴. Обращения «черкас» о принятии их под высокую руку московского царя в 1648–1654 гг. историки Украины связывают с необходимостью поиска «протектората» в ходе «национальной революции» (В.А. Смолий, Н.А. Степанков), делая акцент на формировании украинской государственности (В.Н. Горобец, Л.Д. Гвоздик-Прицак). Переяславская рада 1654 г. стала трактоваться как ошибка Богдана Хмельницкого и даже трагедия, лишившая Украину «европейского» цивилизационного выбора⁵. Несколько особняком стоят труды Т.Г. Таировой-Яковлевой, стремящейся уйти от искусственного деления на украинский и российский подходы к истории середины XVII в.⁶ Значение Переяславской рады в контексте взаимоотношений России и Гетманства в 1650-х гг. рассмотрено Б.Н. Флорей. Исследователь показал, что взгляды историков варьируются в зависимости от того, как они трактуют Переяславскую раду: «произошла инкорпорация гетманства» или был заключён «обычный военно-политический союз». Проведённый анализ привёл автора к выводу о том, что «вмешательство России в тянувшуюся уже ряд лет войну между Речью Посполитой и Гетманством» было обусловлено собственными планами «русского руководства», расхворившимися с

⁴ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 319–337; Россия–Украина: История взаимоотношений. М., 1997; История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках: К 350-летию Переяславской рады // Научный Совет РАН «История международных отношений и внешней политики России». Бюллетень. Вып. 2. М., 2006; Рогожин Н.М., Санин Г.А. Россия и Украина в XVI–XVIII вв. // История и историки. Историографический вестник. 2004. М., 2005. С. 336–337; Санин Г.А. Положение Украины в составе России во 2-й половине XVII в. и внешняя политика России. Смоленск и Белоруссия в годы русско-польской войны (1654–1657) // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 160–206; Викторюк Ю.Г. Украинская историография о взаимоотношениях Московского государства и Запорожского Войска в 1648–1654 годах и её источниковая база: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Беззев Д.А. Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в. М., 2012; Лазарев Я.А. «Ласковый телок двух маток сосёт»: к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. (в порядке дискуссии с Т. Чухлибом) // Исторический вестник. 2013. Т. 4(151). С. 206–219.

⁵ Брехуненко В.А. Московська експансія і Переяславська Рада 1654 року. Київ, 2004; Гвоздик-Прицак Л.Д. Економічна і політична візія Богдана Хмельницького та її реалізація в державі Військо Запорозьке. Київ, 1999; она же. Основні міжнародні договори Богдана Хмельницького 1648–1657 рр. Харків, 2003; Горобець В. «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007; Доба Богдана Хмельницького: До 400-річчя від дня народження великого гетьмана: Збірник наукових праць. Київ, 1995; Переяславська Рада: очима істориків, мовою документів. Київ, 2003; Сергійчук В.І. Переяславська рада – трагедія України і програв Європи. Київ, 2003; Смолий В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. Київ, 1997; они же. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.). Київ, 1999. Подробнее об изменившихся украинских подходах к истории Переяславской рады, см.: Plokhy S. The Ghosts of Pereyaslav: Russo-Ukrainian Historical Debates in the Post-Soviet Era // Europe-Asia Studies. Vol. 53. № 3 (May, 2001). P. 489–505.

⁶ Яковлева Т.Г. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. Київ, 1998; она же. Социально-политическая борьба на Украине в 60-е годы XVII века. Внутренние и внешние факторы Руины. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004.

планами казацкой верхушки, стоявшей во главе Гетманства»⁷. Замечу, что в статьях сборника «Белоруссия и Украина», целый раздел которого посвящён заметной юбилейной дате — «К 350-летию Переяславской рады», термин «воссоединение» не используется⁸.

Обычно подробный разбор причин русско-польской войны середины XVII в. начинается с того времени, когда Земский собор 1 октября 1653 г. одобрил вступление Московского государства в войну с Речью Посполитой⁹. Но называются и другие даты принятия решения о начале войны. Ещё С.М. Соловьёв обращал внимание на то, что «Москва не трогалась» в ответ ни на какие обращения Хмельницкого до начала 1653 г.¹⁰ М.С. Грушевский датировал твёрдую постановку в «московских кругах» вопроса о решительном вмешательстве в украинские дела весной 1653 г., сожалея, что весь процесс принятия такого решения остался неизвестным¹¹. По мнению Л.В. Заборовского, стратегическое решение было принято уже в 1651 г., но «вплоть до августа 1653 г. (неудача посольства во главе с Б.А. Репниным-Оболенским в Речь Посполитую), при колебаниях общей линии, московский двор стремился выступить скорее как посредник в достижении мира на Украине, конечно, не забывая и о собственных выгодах»¹². Современный биограф царя Алексея Михайловича И.Л. Андреев раскрыл сложность принятия решения о войне, связав его, помимо реакции московского правительства на дела в «стране казаков», с военными приготовлениями 1651–1653 гг. и борьбой придворных партий¹³. В книге американского профессора Брайана Дэвиса о южной политике Русского государства в качестве отправной даты «решения о вмешательстве» в дела между Гетманством и Речью Посполитой назван февраль 1653 г.¹⁴ Профессор Пол Бушкович считает, что царя Алексея Михайловича «убедили» вступить в войну и изменить свою осторожную политику в отношении Гетманства летом 1653 г.¹⁵

⁷ *Флоря Б.Н.* Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины // *Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 6, 35–36.*

⁸ Более того, по замечанию американского профессора Пола Бушковича концепции ««воссоединения» русского народа», или противоположные им — «экспансия», «централизация» — «не находят и не могут найти подтверждения в источниках, так как это идеи более поздних поколений». Справедлива и его исходная посылка: «Важно понять, что мы не знаем, почему Россия присоединила Украину в 1653–1654 гг.». См.: *Бушкович П.* Россия и Украинское гетманство в 1653–1725 годах // *Белоруссия и Украина... С. 70.*

⁹ *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 71–72.

¹⁰ *Соловьёв С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. История России с древнейших времён. М., 1990. С. 554, 564–565.

¹¹ *Грушевский М.* История Украины—Руси. Том IX. Кн. 1. Ч. 2. Нью-Йорк, 1957. С. 610.

¹² *Заборовский Л.В.* Переяславская рада и московские соглашения 1654 года // *Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 39–50; он же.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; *он же.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.). Документы. Исследование. М., 1994; *он же.* Католики, православные, униаты: Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40–80-х гг. XVII в. М., 1998. См. также: *Флоря Б.Н.* 50-е гг. XVII в. в истории международных отношений в Центральной части Евразии и задачи публикации материалов о деятельности русской и украинской дипломатии в эти годы // *Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века. М., 2000. С. 9–23.*

¹³ *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2003. С. 216–232, 246–253.

¹⁴ *Davies B.* Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700. L., 2007. P. 106.

¹⁵ *Бушкович П.* Указ. соч. С. 70–71.

Итак, вопрос о времени вынесения решения о начале русско-польской войны остаётся дискуссионным, хотя обычно он связывается с обращениями «черкас» и гетмана Войска Запорожского о принятии их под «высокую руку» московского царя¹⁶. Безусловно, такие просьбы повлияли на изменение подходов московской дипломатии в отношениях с Речью Посполитой, но стали ли они единственным основанием для начала войны? В первом документе, написанном Богданом Хмельницким для передачи царю Алексею Михайловичу 6 июня 1648 г., говорилось о желании казаков иметь у себя *такого же* царя, как московский самодержец: «Зичили бихмо собі самодержца господаря такого в своей землі, яко ваша царская велможност православний хрестиянский цар»¹⁷. Подчеркнём, что эта грамота была написана после смерти короля Владислава IV, во времена польского «бескоролья»¹⁸. В период первых военных побед гетмана в 1648 г. Алексей Михайлович не стал нарушать мирный договор с Речью Посполитой, и Хмельницкому ответили отказом.

Казаки также предлагали царю пойти походом на Смоленск, обещая свою поддержку. Автор фундаментального труда о Хмельницком Н.И. Костомаров не случайно писал ещё в XIX в.: «гетман составил план затянуть Московское государство в войну с Польшею»¹⁹. Другой вопрос, удалось ли ему осуществить этот план, как он того хотел. Обращения казаков Запорожского Войска совпали по времени со сложными внутривнутриполитическими проблемами, бунтом в Москве, принятием Соборного уложения, следовавшими затем восстаниями в Новгороде и Пскове.

Проблема «подданства» казаков решилась после Зборовского договора с королём Яном Казимиром в 1649 г., когда Хмельницкий получил булаву и знамя из рук королевских представителей и составил новый реестр Запорожского Войска. Но когда в 1650–1651 гг. польская шляхта стала теснить казачью старшину, политика гетмана в поиске союзников изменилась, и он снова обратился к Алексею Михайловичу. В Посольском приказе имели достаточно ясное представление о намерениях Хмельницкого продолжать борьбу против «ляхов» в союзе с крымскими татарами и по-прежнему, как и во время выборов нового польского короля в 1648 г., не стремились в неё ввязываться.

В январе 1651 г. из Москвы отправили в Чигирин с жалованьем дьяка Лариона Лопухина²⁰. В выданном ему наказе подробно определялось, что говорить в случае поворота разговора к упрекам в неказании военной помощи «черкасам». В Войске Запорожском стало известно, что прежние обращения казаков в Москву попали к королю в «Оршаву»²¹. Поэтому Лопухин должен был дезавуировать обвинения в «московской неправде» тем, что привёз с собой подлинники этих обращений. Ему нужно было любой ценой добиваться прежней лояльности казаков и напоминать, что даже «в смутное время» 1648 г. в Москве отказались

¹⁶ См. подробный разбор формулы «высокая рука», имевшей, по мнению Л.Д. Припак, религиозный смысл и отсылавшей к сравнению Богдана Хмельницкого с библейским пророком Моисеем (*Гвоздик-Припак Л.Д. Основні міжнародні договори... С. 198–200*).

¹⁷ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трёх томах (далее – ВУР). Т. 2. М., 1953. С. 33.

¹⁸ См. подробнее: *Брехуненко В.А.* Указ. соч. С. 222–226.

¹⁹ *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий // Собрание сочинений Н.И. Костомарова. Кн. 4. Т. 9–11. СПб., 1903. С. 354.

²⁰ «Посольство» Лариона Лопухина отправилось не ранее 18 января 1651 г. (ВУР. Т. 2. С. 487–490).

²¹ Там же. С. 475–476.

помогать польской стороне, поддержали «черкас», разрешив им торговать хлебом и солью. От имени Алексея Михайловича казаков уверяли, что в Московском государстве не стремятся помогать их «неприятелям». Гонец Лопухин прежде всего говорил о готовности известить «окрестные государства» о «неправдах» польского короля, если он нарушит прежний договор, требовавший наказания виновных в умалении государственной чести. В случае обострения дипломатических отношений с Речью Посполитой к казакам собирались прислать «для подлинного договору» не обычных дворян, а царских «думных людей». Это был новый поворот в контактах с Запорожским Войском, уже допускаявший войну с враждебной «Литвой». Однако решение вопроса о поддержке казаков ставилось в зависимость от действий Речи Посполитой в более важном для московской стороны вопросе — о защите царской чести. Вскоре такое новое направление политики было подтверждено ещё и авторитетом Земского собора²².

28 февраля 1651 г. в Столовой избе в присутствии царя Алексея Михайловича состоялось заседание собора, на котором было рассмотрено «письмо» о «литовском деле». Выборным на соборе предлагалось рассмотреть и обсудить два главных вопроса: во-первых, «о неправдах» со стороны польского короля и панов-рад, нарушении ими «вечного докончанья» и, во-вторых, об обращении Богдана Хмельницкого. Впервые не только в Думе, но и во всём Московском государстве официально должны были узнать о «просылках» гетмана Войска Запорожского, «что они бьют челом под государеву высокую руку в подданство»²³. Зачем всё-таки опять был поднят старый вопрос о нарушении Поляновского мирного договора, неисполнении данных послу Григорию Гавриловичу Пушкину в 1650 г. обещаний наказать виновных в умалении государственной чести? Ведь не ради же одних интересов «черкас» и Хмельницкого созывались в Москву представители всех сословий?

Чрезвычайное обращение к собору понадобилось по другой причине. Главное, что могло пугать царя Алексея Михайловича — действия польского короля Яна Казимира на «крымском» направлении дипломатии. Как сказано в «письме» собору, царю «ведомо учинилось», что король «ссылаетца с крымским царем почасту и всякими вымысли умышляют, чтоб им сопча Московское государство воевать и разорить». Дело дошло до того, что «через Польшу и Литву» был пропущен «крымский посол» к шведской королеве Христине, как были уверены в Московском государстве, «для ссоры ж». Характеризуя союзные действия между непримиримыми врагами, в Москве закономерно удивлялись: «а преж сего того николи не бывало». Поэтому и вспомнили снова о просьбе гетмана Богдана Хмельницкого о принятии «под высокую руку». На соборе приводили даже сетования «черкас», связанные с последствиями отказа Алексея Михайловича разрывать мир с Речью Посполитой. Казаки открыто говорили, что они «поневоле учинятца в подданстве у турецкого салтана с крымским ханом вместе»²⁴. Следовательно, именно угроза новых крымских набегов и отказ от прежнего, складывавшегося при короле Владиславе IV, русско-польского союза против Турции, заставляли действовать царя Алексея Михайловича и прибегнуть к созыву собора²⁵.

²² Самые ранние грамоты о созыве выборных на собор датированы 27 января 1651 г. См.: *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 320.

²³ ВУР. Т. 3. М., 1953. С. 7.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Как заметил В. Н. Латкин, многие исследователи истории Богдана Хмельницкого не замечали этого собора и «пропускали» его освещение в своих трудах (*Латкин В. Н.* Материалы для истории земских соборов XVII столетия (1619–20, 1648–49 и 1651 годов). СПб., 1884. С. 77–78).

Новые контакты с «черкасами», как можно видеть из наказа Лопухину и решения Земского собора 28 февраля 1651 г., были по-прежнему далеки от безоговорочного одобрения идеи подданства казаков Запорожского Войска царю Алексею Михайловичу. Главной целью оставалось противодействие опасному для Московского царства союзу Речи Посполитой или казаков с крымскими татарами и османами. «На счастье или на несчастье Украины», задавался риторическим вопросом М.С. Грушевский, характеризуя обеспокоенность московского правительства возможностью польско-татарского наступления или превращения его в «татарско-казацкую» угрозу владениям московского царя²⁶. Дипломаты стремились лучше узнать о том, «что ныне у поляков с черкасами делаетца», о контактах крымского хана с польским королём Яном Казимиром и Богданом Хмельницким²⁷.

Гетман тоже был осторожен в переговорах с Лопухиным и действовал необычно, выбрав для достижения своих целей беспроигрышный ход – обращение к первому советнику Алексея Михайловича – «ближнему великому боярину» Б.И. Морозову. Тем более, что предложение о посылке «думных людей» было сделано из Москвы, и гетман Хмельницкий за него ухватился. 11 марта 1651 г. он отправил личное послание к боярину Морозову, подтверждая своё прежнее намерение служить царю Алексею Михайловичу: «желаем того, чтоб он, яко православный христианский царь, на все земли государствовал»²⁸. За этим могло стоять возвращение к читавшейся в первых обращениях «черкас» в Москву программе перехода в подданство к Алексею Михайловичу при условии его воцарения в других «землях» (т.е. в Речи Посполитой). В 1648–1649 гг. такая идея оказалась преждевременной, и в Москве не оспаривали права Яна Казимира, но спустя несколько лет, после «государевых походов» 1654–1656 гг., мечта о короне Речи Посполитой для Алексея Михайловича или его наследников стала основой внешней политики Московского царства²⁹.

Контакты с Богданом Хмельницким продолжились и после поражения казаков, зафиксированного Белоцерковским договором в сентябре 1651 г., отменившим многие завоевания, достигнутые в ходе прежних казачьих войн. Московской стороне приходилось действовать осторожно, дабы избежать упреков в прямой поддержке Запорожского Войска. В октябре 1651 г. в Чигирин с жалованной грамотой и соболями к гетману, полковникам и писарю был отправлен Василий Васильевич Унковский. Грамоту следовало отдать в руки Хмельницкому, а говорить с ним про «тайной царской наказ» только «наодине». Общий план действий, принятый на Земском соборе 1651 г., оставался прежним и был продиктован интересами московской политики. Царь Алексей Михайлович, как извещали гетмана, «ныне посылает» к королю Яну Казимиру «своих государевых великих и полномочных послов». В состав великого посольства планировали включить бояр кн. Ю.А. Долгорукого, кн. Ф.Ф. Волконского и кого-то из дьяков³⁰. Им снова предстояло вести

²⁶ Грушевский М. Указ. соч. Т. IX. Кн. 1. Ч. 2. С. 610.

²⁷ ВУР. Т. 3. С. 15–16.

²⁸ Там же. С. 21.

²⁹ См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661). М., 2010; *он же.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки её осуществления. М., 2013.

³⁰ Этим планам мог помешать местнический спор, возникший между прежним главой «великого посольства» боярином Г.Г. Пушкиным и кн. Ю.А. Долгоруким в конце 1651 – на-

переговоры с королём и панами-радой о выполнении обещаний «казнить смертью» виновных в написании «з бесчестьем» царского титула.

Впрочем, создавалось впечатление, что в Москве заранее были уверены, что посольство в Варшаве не достигнет цели: «И по тому договору с королевские стороны по ся места исправленья не бывало и вперед не чаять, потому что они николи в правде своей не стоят». Хмельницкий должен был понять, что для Алексея Михайловича договор о мире с Речью Посполитой оставался святым делом, и нарушить его он не мог: «Да и ему, гетману, мочно то разсудить, пригожее ли то дело, что великому государю царскому величеству, помазаннику божию, вечное докончанье без причины розорвать, и в неправде и бог не поможет». Оставалось убеждать гетмана Богдана Хмельницкого, чтобы он помнил к себе «царского величества милость и жалованье», и удерживать его от враждебных действий по отношению к Московскому государству совместно с крымской «ордой»: «И ты б, гетман, и все Войско Запорожское царскому величеству служили, и крымского царя от всякого дурна унимали, и на Московское государство войною не пушали». Конечно, возникал вопрос, что будет, если король Ян Казимир всё-таки согласится на требования царя Алексея Михайловича и накажет виновных в умалении государственной чести? В наказе Василию Унковскому предусмотрели такой поворот разговора, но смогли только в самом общем виде пообещать способствовать дальнейшему примирению гетмана Богдана Хмельницкого с королём, если казаки сами того пожелают. Интересно упоминание в наказе о прежних посольствах Речи Посполитой в Москву, извещавших, «что Войско Запорожское от них *ис подданства отложились* (выделено мною. — В.К.), и войну против их всчали, и многое разоренье починили». Объясняя причины отказа в помощи королю Яну Казимиру в борьбе с казаками ссылались на то, что это было сделано «для православные христианские веры»³¹.

Московские посланники Афанасий Осипович Прончищев и дьяк Посольского приказа Алмаз Иванов отправились на сейм, чтобы узнать, как продвигается дело о наказании виновных в оскорблении царской чести в начале 1652 г.³² Паны-рада обратились к ним с встречными претензиями: «есть де с царского величества стороны зделано к нарушенью вечного доконченья и не одна статья». Царя Алексея Михайловича обвиняли в поддержке казаков Запорожского Войска: обмене посольствами, хранении «неприятельских животов» (имущества), и даже упрекали его в том, что «двор Хмельницкому зделан». Московские посланники в ответ говорили о миротворческих целях поездок гонцов к гетману («для успокоения христианского... чтоб они, запорожские черкасы, тое ссору и межусобье, сослався с ними, паны рады, усмирили и успокоили») и опровергали слухи о строительстве двора для Хмельницкого. Король Ян Казимир 18 февраля 1652 г. написал Алексею Михайловичу подробное письмо, где также говорил о нарушении царём «вечного докончанья» посредством установления контактов с гетманом Хмельницким. Впрочем, польской стороне особенно нечего было предъявить царю Алексею Михайловичу, напрямую не нарушавшему мира. Единственный упрёк, высказанный в письме короля Яна Казимира, касался частного случая оказания

чале 1652 г. См.: *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. № 1525. С. 191.

³¹ ВУР. Т. 3. С. 145–150. В текст наказа Унковскому сначала вставили, а потом вычеркнули упоминание о грамоте панам-рады Речи Посполитой: «чтоб они, паны рада, тое ссору, сослався с вами, усмирились и жили б с вами в соединенье и в покое по-прежнему».

³² Там же. С. 164–182.

помощи казакам гетмана Богдана Хмельницкого во время их похода к Рославлю через земли Московского царства, но его легко дезавуировали ссылкой на проведённый «розыск» по этому делу. Само же письмо утверждало уверенность Яна Казимира в победе над врагами — крымскими татарами и королевскими подданными — «бунтовниками»³³. Правда, вскоре, 22–23 мая (по старому стилю) 1652 г., произошла битва под Батогом, ставшая одним из главных успехов объединённой рати крымских татар и гетмана Хмельницкого в борьбе с польскими войсками на территории Войска Запорожского.

Обзор непростой истории контактов Богдана Хмельницкого и дипломатов Алексея Михайловича показывает, что чем меньше гетман нуждался в помощи Москвы, тем больше в Посольском приказе были готовы пойти ему навстречу, и наоборот. Важно было только не пропустить грань, за которой «черкасы» могли стать союзниками крымских татар и турецкого султана, угрожавших Московскому царству. А она была уже близка. Греческий митрополит Гавриил сообщал в письме царю Алексею Михайловичу 27 октября 1652 г., что Богдан Хмельницкий жаловался ему на игнорирование в Москве его призывов: «писал де я многажды, и они мне сказывают — ныне да завтра, а николи в совершенье не приведут»³⁴.

В тот момент от самого Хмельницкого пришло известие о том, что в Москву с «тайным разговором» собирается константинопольский патриарх Афанасий. Лучшего союзника для продвижения своих интересов у Запорожского Войска, конечно, быть не могло. Уже в первых контактах гетмана Богдана Хмельницкого с московским двором участвовал иерусалимский патриарх Паисий. В переговорах о мирном урегулировании с брацлавским воеводой Адамом Киселем в конце февраля 1649 г. Богдан Хмельницкий ссылался на авторитет иерарха одной из вселенских церквей, указывая: «Меня святой патриарх в Киеве на ту войну благословил..., и прикончить ляхов приказал. Как же мне его не слушаться»³⁵. В свою очередь, Адам Кисель сообщал о встречах Хмельницкого с иерусалимским патриархом Паисием Яну Казимиру: «А дела в Москве налаживает патриарх, с которым Хмельницкий по несколько дней [беседовал]»³⁶.

Действительно, посланник гетмана полковник Силуян Мужилковский 4 февраля 1649 г. в присутствии самого патриарха Паисия впервые подробно объявил царю Алексею Михайловичу «мову» о военных действиях Запорожского Войска. Несколько дней спустя, во время обедни в Чудове монастыре в Кремле, проводимой патриархом Паисием, Алексей Михайлович пожаловал запорожского полковника и казаков, велел думному дьяку спросить их «о здоровье»³⁷. Посредническая миссия вселенских патриархов между Богданом Хмельницким и царём означала и изменение повестки дня в сторону защиты вселенского православия³⁸. Со временем это стало одной из главных причин вступления Алексея Михайловича в войну с Речью Посполитой.

Очередной попыткой повлиять на решение царя об оказании прямой помощи казакам стала присылка в Москву посольства генерального войскового судьи

³³ Там же. С. 189–195.

³⁴ Там же. С. 238.

³⁵ Цит. по: *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты... С. 32.

³⁶ Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. Киев, 1965. С. 202.

³⁷ ВУР. Т. 2. С. 127–131, 133–134.

³⁸ Идея религиозной войны в защиту конфессионального единства православных лежала и в основании действий гетмана Богдана Хмельницкого. См. подробнее: *Паохій С.М.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2006. С. 388–396.

Самуила Богдановича Зарудного с товарищами в ноябре—декабре 1652 г. На этот раз в Москве показали всю серьёзность своих намерений в долгосрочной поддержке казачьей войны. Посланников Запорожского Войска, в отличие от прежнего времени, впервые принимали близко к посольскому чину на Казённом дворе. После приёма привезённого листа гетмана Хмельницкого царь распорядился «выслушать» представителей Запорожского Войска боярину и оружничему, «наместнику Нижнева Новагорода» Г.Г. Пушкину, ездившему за несколько лет до того в посольстве к королю Яну Казимиру. Это косвенно свидетельствует о свершившемся выборе в пользу более активного ведения дел с казаками Запорожского Войска³⁹. Посланники Войска Запорожского должны были прямо просить о принятии их «в подданство» и обещать без царского одобрения не начинать других дел: «то де их делу начало и конец... чтоб царское величество для православные христианские веры над ними умилосердился, велел их принять под свою государеву высокую руку». Одновременно казаки отказывались от подданства польскому королю и поиска союзов «с ыными иноверцами», то есть крымским ханом⁴⁰.

С конца 1652 г. при подготовке нового «великого посольства» к королю Яну Казимиру уже должны были учитывать новые обращения гетмана Войска Запорожского о приёме в подданство. Шведский резидент Иоганн де Родес, постоянно сообщавший в донесениях королеве Христине о ходе дел в Москве, заметил, что московское посольство надолго задержалось с отправкой, ожидая решений сейма в Речи Посполитой. Де Родес объяснял это промедление общим нежеланием Алексея Михайловича вмешиваться в дела соседней страны, ведшей войну со своими подданными — казаками: «Кажется, что, хотя эти народы, по большей части, и русской веры, но их не особенно хотят иметь близко»⁴¹. Но затем последовали необычные изменения, свидетельствовавшие о повороте в делах. Внимательный наблюдатель де Родес многое понял, основываясь только на казусах, имевших место в Москве. Царь, по своему обычаю, в конце января — начале февраля 1653 г. уезжал из Москвы охотиться. Но когда он возвратился с охоты, был обнародован малопонятный патриарший указ: «всем знатным господам» приказали «уничтожить их охотничьих собак». После стало ясно, что развлечения закончились, и пришло время войны. Но тогда распоряжение, идущее от патриарха Никона, выглядело неоправданным вмешательством в частную жизнь царедворцев. Дошли до иноземного резидента и слухи о приезде патриарха на двор к боярину Н.И. Романову. Между ними состоялся примечательный разговор о том, почему боярин не являлся к делам, говорили и о вступлении боярина в брак, ссылавшегося на то, что это могло создать династическую проблему. Новое призвание боярина Никиты Романова для совета во дворец де Родес связал

³⁹ Детали этикета приёма посланников гетмана Хмельницкого обычно пропускались исследователями, описывавшими ход переговоров в Москве. Между тем показательно, что переговоры происходили не в Посольском, а в Казённом приказе, где первым судьёй с 1652/53 г. был боярин И.Д. Милославский. Ср., например: *Голубуцкий В.А.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1962. С. 321; *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века // *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков. М., 2006. С. 84.

⁴⁰ ВУР. Т. 3. С. 239—240, 244—247. Кстати, именно Самуил Богданович получил в марте 1654 г. знаменитые «Мартовские статьи», где, как известно, впервые были зафиксированы условия принятия казаков Войска Запорожского в подданство царю Алексею Михайловичу.

⁴¹ Сборник Новгородского общества любителей древности (далее — Сборник НОЛД). Вып. 8. Новгород Великий, 1919. С. 4.

с подготовкой к чему-то «особенному», не без оснований считая, что от двоюродного брата царя после событий 1648 г. в Москве зависел «весь простой народ».

И действительно, царь Алексей Михайлович для себя уже всё решил и сделал выбор именно в Великий пост 1653 г. В архиве Тайного приказа сохранилась малопримечательная тетрадка «в восьмушку», где, как сказано авторами архивного описания, государь записывал «мысли о войне». Именно на неё ссылался С.М. Соловьёв, когда написал в «Истории» о событиях начала 1653 г.: «В это время принятие в подданство Малороссии и война польская были уже решены в Москве: первая дума об этом у государя была 22 февраля 1653 г., в понедельник первой недели Великого поста, а “совершился государская мысль в сем деле” в понедельник третьей недели Великого поста, марта 14»⁴².

До сих пор этот источник труда Соловьёва считался потерянным и почти не привлекал внимания⁴³, хотя именно там написано о самом важном выборе за время царствования Алексея Михайловича. Если внимательно разбираться в черновых записях с зачёркиваниями текста и заменами слов, можно увидеть, что у них действительно есть точная дата — 161 (1653) год. Алексей Михайлович писал «о ратном деле», имея в виду «как оберегать истинную и православную христианскую и непорочную (последнее слово вписано позже над строкой. — В.К.) веру и святую соборную и апостольскую церковь и всех православных христиан и недругу бы быть страшну». Для этого он решил «объявить» (Алексей Михайлович поменял смысл записи, усилив свою решительность, когда вместо «изволил видеть» написал — «объявить». — В.К.) о готовности своих людей быть «во ополчении ратном храбрствено и мужествено».

Царю было важно зафиксировать время принятия решения, когда он начал «сие благое дело мыслити». Он отступил от первоначального общего указания на март 161-го года, добавляя, что начал думать о таком решении в понедельник на первой неделе Великого поста 22 февраля. Такое совпадение с «плачем» по своей душе во время одной из самых строгих и трагичных служб Великого поста, когда читается покаянный канон Андрея Критского, конечно, для царя было очень символично, как и указание на точный день принятия решения: окончательно «совершился его государская мысль в сем деле» в понедельник третьей недели того же поста, приходившийся на 14 марта — день празднования Фёдоровской иконы Богоматери⁴⁴. Следовательно, прошло ровно сорок лет, день в день, от призвания на царство Михаила Романова до того, как созрела идея войны за церковь и «всех православных», объявленной его сыном царём Алексеем Михайловичем.

Конечно, мы никогда не узнаем, о чём шла речь на царском столе в честь «государева ангела» 17 марта 1653 г., куда был приглашён патриарх Никон. Царь принимал ещё боярина Б.И. Морозова и глав двух «великих посольств» (одно из них уже состоялось, другое только предстояло) в Речь Посполитую — бояр кн. Б.А. Репнина и оружничего Г.Г. Пушкина. Но, сопоставляя известную нам теперь дату внутреннего «рубикона», определившего настрой Алексея Михайловича на войну за веру, можно думать, что тогда же было выбрано и практическое

⁴² Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. V. Т. 10. С. 564–565.

⁴³ Там же. С. 665. Исключением была работа А.И. Заозерского, подробно процитировавшего мысли царя «о ратном деле» из этой тетрадки: *Заозерский А.И.* Царь Алексей Михайлович в своём хозяйстве. Пг., 1917. С. 270–271. Недавно документ был опубликован К.А. Писаренко в приложении к научно-популярной работе о патриархе Никоне с заголовком «Записка царя Алексея Михайловича о решении воевать с Польшей» (*Писаренко К.А.* Тайны раскола. Взлёт и падение патриарха Никона. М., 2012. С. 311–312).

⁴⁴ РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 85, л. 3–3 об.

направление действий. Новым свидетельством назревавших перемен стало сделанное уже 19 марта 1653 г. распоряжение о вызове на службу ратных людей. Оно было необычным и содержало дату общего смотра служивых людей — 20 мая. «А на тот срок изволит их государь смотреть на Москве на конех»⁴⁵. Почти никто ещё не знал точно о целях задуманного смотра, но, традиционно, так бывало только перед вступлением Московского государства в войну.

Следовательно, когда 23 марта 1653 г. из Чигирина отправлялись посланники Запорожского Войска Кондрат Бурляй и Силюян Мужилковский, везя с собою личные послания гетмана Богдана Хмельницкого боярам Б.И. Морозову, И.Д. Милославскому и Г.Г. Пушкину, решение о войне уже было принято. Знал об этом и патриарх Никон, принимая «у благословенья» посланников Запорожского Войска 23 апреля 1653 г.⁴⁶ Слова приехавшего в Москву 16 апреля 1653 г. константинопольского патриарха Афанасия II Пателара о том, что он знает, кто будет освящать вырванный из рук агарян храм Святой Софии в Константинополе, тоже пали на более чем подготовленную почву. Афанасий II дважды избирался на константинопольский трон — последний раз в 1652 г., но всего на несколько дней, после чего его свели с престола. В Москву он официально приехал для «милостыни» и остался там до конца 1653 г., пока не было принято историческое решение о «воссоединении». Предположения историков о посреднической миссии патриарха Афанасия, представлявшего также интересы Богдана Хмельницкого, имеют под собой серьёзное основание и подтверждаются личным посланием гетмана путивльскому воеводе окольниковичу (Хмельницкий называл его боярином) кн. Ф.А. Хилкову о пропуске константинопольского патриарха в Москву⁴⁷. К тому же поощрение московских царей к защите интересов вселенского православия укладывалось в политику константинопольских патриархов, сформировавшуюся ещё в 1630-е гг. при патриархе Кирилле Лукарисе, чья промосковская позиция стоила ему жизни. А на рубеже 1640–1650 гг. эта политика была подкреплена дарами великих христианских реликвий с Востока⁴⁸.

Патриарха Афанасия приняли одновременно с посланцами гетмана Хмельницкого К. Бурляем и С. Мужилковским 22 апреля 1653 г. Представителей «черкас» снова называли «посланниками» и встречали по дипломатическому

⁴⁵ Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной его императорского величества канцелярии (далее — ДР). Т. 3. СПб., 1852. Стб. 342–343.

⁴⁶ В.А. Голобуцкий, ссылаясь на известие С.М. Соловьёва, писал, что решение «о принятии Украины» было принято «царской думой» до приезда послов от гетмана. П. Бушкович высказывал предположение, что царя Алексея Михайловича удалось «убедить» оказать военную поддержку Хмельницкому после этих писем, но, как видим, последовательность событий была другой. См.: ВУР. Т. 3. С. 258–260, 267; *Бушкович П.* Указ. соч. С. 71; *Голобуцкий В.А.* Указ. соч. С. 324–325.

⁴⁷ ВУР. Т. 3. С. 253.

⁴⁸ *Флоря Б.Н.* К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 8–42; *Ченцова В.Г.* Источники фонда «Сношения России с Грецией» Российского государственного архива древних актов по истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе в 50-е гг. XVII в. // Русская и украинская дипломатия в Европе: 50-е годы XVII века. С. 151–178; *Фонкич Б.Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии Христианского Востока в Москве в середине XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 70–97.

протоколу⁴⁹. На следующий день, как говорилось, посланцы Запорожского Войска также были приняты патриархом Никоном, тоже обещавшим поддержку казакам. 23 апреля был не обычный день, а память Георгия Победоносца, когда начиналась весенняя служба русского войска. Патриарх Никон тоже постарался наполнить приём посланников Запорожского Войска важными церемониальными деталями. Ко двору патриарха посланники ехали на «государевых лошадях», их встречала стрелецкая охрана «в цветном платье», а объявлял патриарший дьяк.

24 апреля 1653 г. из Москвы отправилось давно ожидавшееся «великое посольство» кн. Б.А. Репнина, Б.М. Хитрово и дьяка А. Иванова к королю Яну Казимиру. У них были полномочия продолжать переговоры о наказании виновных в оскорблении царской чести. Посольство в Речь Посполитую претендовало также на посредническую миссию и должно было договориться о мире, или по крайней мере, «где съезду быть о миру» между королём Яном Казимиром и «черкасами». Выглядело это с точки зрения соседней страны странно, как вмешательство в её дела. Шведскому резиденту де Родесу даже казалось, что посольство Репнина отправлялось «для проформы»⁵⁰. Конечно, царь Алексей Михайлович находился в сложном положении: сделав выбор в пользу войны, он продолжал соблюдать определённые дипломатические правила и, как считается, до последнего надеялся на благоприятный исход переговоров с королём⁵¹. Защита Алексеем Михайловичем интересов Запорожского Войска не должна была выглядеть как односторонний разрыв мира. Косвенным образом об этом говорит и отказ на просьбу К. Бурия и С. Мужиловского о проезде в Швецию⁵².

Существовало и ещё одно важное условие, без выполнения которого царь не мог начать войну. Он должен был достигнуть согласия в «государевых» и «земских» делах с помощью собора. Уже объявленный заранее вызов служилых людей на смотр 20 мая мог быть связан с идеей созыва такого Земского собора, так как в дальнейшем не представляло труда выбрать представителей на собор из членов Государева двора и служилых «городов», собравшихся в Москве. Грамоты о выборе на собор «добрых» людей для «совета» ушли поздно — 4 мая, только после отправки «великого посольства» из Москвы в Речь Посполитую⁵³. 25 мая 1653 г. на Земском соборе с участием выборных дворян и посадских людей из городов был впервые рассмотрен вопрос, «принимать ли черкас». Как извещали московских послов боярина кн. Б.А. Репнина с товарищами, «и о том все единодушно говорили, чтоб черкас принять» (при этом ссылались даже, как когда-то при выборах царя Михаила Романова, на расспросы «площадных людей»). Однако окончательное решение всё равно было отложено до тех пор, «как вы с посольства приедете»⁵⁴.

Политика по отношению к приёму в подданство Запорожского Войска оставалась неопределённой всё лето 1653 г. Практически одновременно в Москве

⁴⁹ У казаков была своя «дипломатическая» служба, но она держалась на казачьих обычаях, и всеми делами ведал гетман и Войсковая канцелярия во главе с писарем. См.: *Шевченко Ф.П.* Дипломатична служба на Україні під час визвольної війни 1648–1654 рр. // *Історичні джерела та їх використання*. Вип. 1. Київ, 1964. С. 86–90.

⁵⁰ Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 14.

⁵¹ *Заборовский Л.В.* Последний шанс умиротворения: переговоры Б.А. Репнина во Львове 1653 г. // *Русская и украинская дипломатия...* С. 24–30.

⁵² ВУР. Т. 3. С. 261–262, 284.

⁵³ «...Чтоб есми вовеки вси едино были» / Публ. А.В. Маштафарова // *Советские архивы*. 1979. № 3. С. 20–22.

⁵⁴ *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 327–332.

проводили общий смотр войска, обсуждали на Земском соборе решение о приёме «черкас», вели тайные переговоры с гетманом Хмельницким и ждали результатов «великого посольства» к королю Яну Казимиру. Боярин И.Д. Милославский, отпуская 13–14 мая из Москвы посланников К. Бурляя и С. Мужиловского, называл гетмана Запорожского Войска всё ещё подданным короля. А патриарх Никон, отсылая письмо гетману, напротив, был категоричен в поддержке казаков и употреблял то обращение к адресату, к которому тот уже привык (без всякого упоминания о польском подданстве). Вместе с посланцами гетмана из Москвы уезжали голова московских стрельцов Артамон Сергеевич Матвеев и подьячий Иван Фомин, которые везли письмо Никона, подтверждавшее отсылку к Хмельницкому доверенных людей царя и наказ о «тайных переговорах». Когда писарь Иван Выговский в предварительном разговоре пытался выведать их отношение к якобы полученным известиям о вступлении Алексея Михайловича в войну за Смоленск, Матвеев прямо отвечал: «несбыточное то дело» – воевать Смоленск. Тайные переговоры с гетманом были блестяще проведены Матвеевым. Судя по его отчёту, гетман выразил согласие на переход «в вечное холопство» московским царям и готовность дожидаться результатов «великого посольства» к королю Яну Казимиру. Попутно московские посланники установили, что в подчинении у гетмана находилось 17 полков, в которых насчитывалось примерно 100 тыс. казаков⁵⁵.

В Москве во время успешного дебюта Артамона Матвеева на дипломатическом поприще⁵⁶ чрезвычайно усилилась позиция сторонников безоговорочного принятия казаков в вечное подданство и начала войны с Речью Посполитой. Общий смотр войска, проведённый Алексеем Михайловичем 13–28 июня на Девичьем поле в Москве убедительно свидетельствовал о готовности к войне. Продолжавшие приезжать на Земский собор выборные, знакомясь с соборным приговором, поддерживали его на новых заседаниях собора, одно из которых, видимо, можно датировать 20 июня⁵⁷. Так появилась на свет грамота царя от 22 июня 1653 г., впервые прямо и определённо подтверждавшая намерение принять в подданство Запорожское войско: «изволили вас принять под нашу царского величества высокую руку, *яко да не будете врагом креста христова в притчю и в поношение* (выделено мною. – В.К.). А ратные люди по нашему царского величества указу збираютца и ко ополчению строятца». Появление этой грамоты не может ещё рассматриваться как кульминация «освободительного процесса», она была выдана в связи с отсылкой посольства стольника Фёдора Абросимовича Лодыженского под воздействием какого-то порыва ввиду распространившихся слухов о возможной присяге Богдана Хмельницкого турецкому султану:

⁵⁵ ВУР. Т. 3. С. 308–313.

⁵⁶ Шведский резидент де Родес оставил уникальное свидетельство о том, что Артамон Матвеев был пасынком главы Посольского приказа дьяка Алмаза Иванова. В этом было самое очевидное объяснение начала дипломатической карьеры Артамона Матвеева, хотя успех его миссии, несомненно, основывался ещё и на службе, замеченной царём Алексеем Михайловичем (Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 49; *Козляков В.Н.* Генеалогические основания службы и карьеры Артамона Матвеева // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции.* Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 281–285. См. также: *Писаренко К.А.* Указ. соч. С. 156).

⁵⁷ *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 334.

«А будет де совершенье нашии государские милости не будет, и вы де слуги и холопы турецкому»⁵⁸.

Гетман Хмельницкий праздновал победу, он хорошо знал, кого надо благодарить, и адресовал свою признательность патриарху Никону в двух грамотах, от 9 и 12 августа 1653 г. Войсковой писарь и глава казачьей «дипломатии» Иван Выговский подробно информировал в тайном послании думного дьяка Л. Лопухина (а через него просил «обвестить» царя Алексея Михайловича) о задержке послов турецкого султана, желании гетмана служить только московскому царю и об отказе от союза с крымскими татарами: «Татарам уже не верим, потому что только утробу свою насытити ищут и мехи пенезми наполнити, а православных пленяти убивают». Но, главное, что он уже и после грамоты 22 июня подтверждал стремление дожидаться результатов «великого посольства», несмотря на возобновление войны: «Ляхи теперь наступают, но миру с ними не будет до вести от царского величества»⁵⁹.

Переговоры послов кн. Б.А. Репнина с панами-радой начались в Варшаве 24–27 июля и продолжились во Львове, где находился Ян Казимир, в августе 1653 г.⁶⁰ Великое посольство обсуждало два тесно связанных друг с другом вопроса «о титулах» — об искажении и умалении царского титула и о «черкасском деле». Послы также пытались выступить посредниками в делах войны Речи Посполитой с гетманом Хмельницким. Они отстаивали права теснимой униатами православной церкви и пытались убедить польскую сторону помириться с казаками на условиях Зборовского договора 1649 г. На все предложенные к обсуждению темы был получен надменный отказ. Требование наказать виновных в оскорблении царской чести польская сторона по-прежнему считала лишь предложением к нарушению мира и, паны-рада, «смеяся», называли это «малым делом». И напрасно — смех над аргументами противоположной стороны — не лучшее оружие дипломатов. В черновике посольского наказа даже стояла фраза (вычеркнутая впоследствии): «А не соверша того большого дела, о иных с паны рады не говорить»⁶¹. Впрочем, иногда паны-рада на переговорах, напротив, говорили «гораздо сердито». Это касалось упоминаний о Зборовском договоре, которого, как уже считали в Речи Посполитой, «и на свете нет». Как записали послы в статейном списке, «а Зборовского де договору они и слышать не хотят, тот, де, договор за неправдами Хмельницкого снесен саблею»⁶². Ничего не изменилось и при переносе переговоров во Львов, кроме ужесточения позиции Яна Казимира, отрицавшего какое-либо значение прежних договоров с черкасами, которые они «стратили» (потеряли) в битвах с королевским войском: «под Берестечком ласку Зборовскую, а под Батогом — ласку Белоцерковскую»⁶³.

Посольство кн. Б.А. Репнина пыталось донести до польской стороны ещё и сведения об опасности, шедшей от возможного союза Хмельницкого с турецким

⁵⁸ ВУР. Т. 3. С. 322–323. Там же приведено фототипическое воспроизведение грамоты, отправленной гетману Богдану Хмельницкому с Ф.А. Лодыженским (Ладьженским). См. также: *Кривякевич И.* Турецкая политика Богдана Хмельницкого // *Український археографічний щорічник*. Вип. 10/11. Київ, 2006. С. 161–179. *Гвоздик-Прицак Л.Д.* Основні міжнародні договори... С. 127–141.

⁵⁹ ВУР. Т. 3. С. 364–367.

⁶⁰ Там же. С. 333–349; *Грушевський М.* Указ. соч. Т. IX. Кн. 2. Нью-Йорк, 1957. С. 1527–1536.

⁶¹ Цит. по: *Заборовский Л.В.* Последний шанс... С. 27.

⁶² ВУР. Т. 3. С. 347.

⁶³ *Грушевський М.* Указ. соч. Т. IX. Кн. 2. С. 1533.

султаном. Но в Польше уже получили известия из Константинополя о посылке гетманом своего «меркурия» (посланника) в Турцию и рассмотрении предложений казаков на «диване» — в совете у турецкого султана. Польская сторона не имела веры Хмельницкому — этому «ребелизанту» (повстанцу), считая, что он начал бунт «для своей корысти» и изменил христианству, приняв «бусурманскую веру»: «учинился в подданстве у турецкого салтана и с турецким салтаном ссылаетца безпрестанно»⁶⁴. «Средниство» московских послов оказалось излишним, а в чём-то, как в попытке требовать от короля выполнять условие возвращения православных церквей от униатов, встретило прямой отпор и обвинения в покушении на устои Речи Посполитой. Закончилось московское посольство совсем не дипломатическим демаршем, когда послы, уже садясь в карету, продолжали спорить, адресуя свои аргументы собравшейся толпе. Так программа обсуждения главных вопросов между Московским царством и Речью Посполитой перешла из дипломатической повестки на усмотрение царя и Земского собора. Это был последний шанс избежать большой войны, но он не был использован⁶⁵.

Окончательное решение о принятии в российское подданство Запорожского Войска было провозглашено Земским собором 1 октября 1653 г., на праздник Покрова. Снова, как и на предшествующем соборе 1651 г., оба вопроса о царской чести и о принятии «черкас» в подданство оказались увязаны между собой. Даже аргументы повторялись практически дословно, но с важным дополнением о неудаче посольства кн. Репнина и отказе Яна Казимира от обязательств защищать права православных. Говорилось также о безвыходном положении «черкас», которых звал на свою сторону турецкий султан. В итоге Земский собор 1653 г. принял историческое решение «за честь» царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича «стояти и против польского короля война весть»⁶⁶. В записи «Дворцовых разрядов» о соборном заседании 1 октября 1653 г. подчёркивалась и другая идея, связанная с общими представлениями о царе как защитнике вселенского православия, — ведение войны «за истинную веру», чем обосновывалось принятие гетмана и Запорожского Войска «под высокую руку» московского царя⁶⁷.

На соборе было принято решение об отправлении к казакам обещанных ранее «думных» людей — боярина Василия Васильевича Бутурлина, стольника Ивана Васильевича Алферьева (через несколько дней его пожаловали чином окольничего) и думного дьяка Лариона Дмитриевича Лопухина. Охранять посольство должны были стрельцы под командованием Артамона Сергеевича Матвеева, тоже участника прежних «отсылок» к Запорожскому войску. Тогда же в Грановитой палате им было «сказано» об указе царя «ехать принимать гетмана Богдана Хмельницкого, и полковников, и писаря и все войско Запорожское, и привести к вере». Присяга распространялась также на «мещан и всяких жилецких людей» из Киева и других городов, которыми владели «Богдан Хмельницкой и все войско Запорожское». 5 октября были сделаны и первые военные назначения:

⁶⁴ ВУР. Т. 3. С. 345–346.

⁶⁵ По наказу стольнику Р.М. Стрешневу и дьяку М. Бредихину от 12 сентября 1653 г., они должны были ещё говорить Богдану Хмельницкому, что царь Алексей Михайлович ожидает «ведомости» от посольства кн. Б.А. Репнина. С тем оно и уехало, но было задержано в Чигирине. 25 сентября посольство кн. Репнина было у царя Алексея Михайловича в Троице-Сергиевом монастыре. До созыва нового заседания Земского собора оставалось несколько дней (ВУР. Т. 3. С. 377; ДР. Т. 3. Стб. 368).

⁶⁶ Акты, относящиеся к истории Земских соборов. М., 1909. С. 74.

⁶⁷ ДР. Т. 3. Стб. 372.

в Новгород Великий для сбора ратных людей послали боярина В.П. Шереметева, окольничего С.Л. Стрешнева и думного дворянина Ж.В. Кондырева⁶⁸.

23 октября в Москве было торжественно объявлено о решении Алексея Михайловича «идти на недруга» — короля Яна Казимира. Дипломатические разговоры о «братской любви» между двумя монархами закончились. Царь пожелал «закрепить рукою» (собственноручно подписать) указ о военном походе и запрете на это время местнических споров⁶⁹. Как писал шведский резидент де Родес, решение объявить войну далось Алексею Михайловичу не просто. Он встретился с сопротивлением «некоторых знатных господ» — своих советников, предупреждавших царя, «что легко зажечь пожар, но нельзя также скоро его потушить». Но у идеи «религиозной войны» были очень серьезные сторонники: де Родес нашёл для характеристики союза царя и патриарха в данном деле образное сравнение: царь «держит патриарху древко, а он сам навязывает на него знамя»⁷⁰. Внимательный представитель иноземного двора, видимо, даже не подозревал, насколько был близок к истине. Сохранилось описание знамён Государева полка, правленное рукою царя⁷¹. «Перед государем» в походе должны были нести «знамя тафты розные на стороне Воскресение Христово на другой стороне против того Успения Богородицы». «В кругах» были помещены «по Спасову образу благословиению рукою поясные или стоящие», и образы смоленских святых Меркурия и Авраамия. Символика знамени будущего Смоленского похода была усилена: дописано, что «на другой стороне» следует добавить «в верхнем кругу Борис, а внизу Глеб мученики». Появление этих святых, соимённых первым святым династии Рюриковичей, случайным не назовёшь. В центре знамени располагался крест, архангелы Гавриил и Михаил, на одной его стороне был «ангел Господен с крестом», на другом — «с саблею». Были и другие знамёна «с Спасовым образом», на одном из них на лицевой стороне изображался «царь Костянтин на лошади с войском», а на оборотной — «великий князь Владимир на лошади с войском же, как побил и крестил царствы»⁷². Словом, цель «крестового похода» — войны в защиту вселенского православия и, одновременно, возвращения к династическим истокам, — была выражена в символике царских знамён достаточно убедительно.

Формальная «нота» об объявлении войны была приурочена к значимой для царя Алексея Михайловича и патриарха Никона памяти митрополита Филиппа 30 декабря. Обсудив в тот день ответ находившемуся в Москве «литовскому» посланнику, отослали грамоту королю Яну Казимиру о разрыве отношений и начале войны (одновременно были отосланы гонцы с таким же извещением в другие государства). Посланника — королевского секретаря ошмянского подстолия Андрея Казимира Млоцкого заставили пройти через унижение, сделав его свидетелем страшной казни четвертованием самозванца Тимошки Анкудинова,

⁶⁸ Новосельский А.А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на новгородском фронте // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. С. 117–118.

⁶⁹ ДР. Т. 3. Стб. 377–378.

⁷⁰ Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 24–33.

⁷¹ Первое распоряжение боярина Б.И. Морозова о подготовке знамени с образом Спаса Нерукотворного датируется в документах Оружейной палаты 2 мая 1653 г., а решение «шить знамя большое» было принято не позднее 28 августа 1653 г. См. подробнее: Голованова М.П. Знамя царя Алексея Михайловича: задачи изучения // «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. 20. М., 2010. С. 98–111.

⁷² РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 86, л. 35–36.

выдававшего себя за родственника царя Василия Шуйского⁷³. В определённой мере его «дело» несколько лет сдерживало манёвры московской дипломатии и заставляло искать подходы к гетману Хмельницкому, у которого самозванец на время нашёл укрытие⁷⁴. Представителю Яна Казимира торжествующе указывали, что раньше не могли добиться выдачи скрывавшегося в Польше Анкудинова, поэтому угрозу самозванства больше не удастся использовать⁷⁵. После неудачи всех «великих» посольств царь получил право включить в грамоту, отправленную королю 30 декабря 1653 г., многозначительную фразу, осуждавшую «неправедные дела» королевской стороны и открывавшую целую историческую полосу тринадцатилетней войны с Речью Посполитой: «Бог свыше зрит и мститель будет»⁷⁶.

Таким образом, решение о войне с Речью Посполитой в середине XVII в. принималось на фоне событий, начавшихся в Запорожском войске. Разрыв с королём Яном Казимиром привёл казаков к поиску защиты у московского царя. Дипломаты Алексея Михайловича осторожно вели дело с гетманом Хмельницким; в отличие от казаков, они по-прежнему были связаны Поляновским мирным договором с Речью Посполитой и не могли допустить его разрыва по вине царя. Опасными для московской стороны оставались попытки гетмана использовать для достижения своих целей союз с крымцами и османами. Принимая решение о начале русско-польской войны, царь Алексей Михайлович не мог не учитывать постоянные просьбы «черкас» о принятии их «под высокую руку».

Однако мотивы действий московской стороны не сводились к «приёму черкас», трактовавшемся как «вечное подданство». Царь использовал союз с Запорожским Войском для начала войны за веру. Поэтому такими значимыми оказались посреднические миссии приезжавших в Москву иерусалимского патриарха Паисия и константинопольского патриарха Афанасия. Символично, что принятие окончательного решения о войне совпало с памятью Фёдоровской иконы Богоматери 14 марта 1653 г. Алексей Михайлович решил вернуться к повестке дня прежних русских царей, прерванной историческими обстоятельствами Смуты, и возобновить войну с Литвой. Московское царство вступало в новую историческую полосу, не только претендуя на возвращение Смоленска, но и ставя, как показали первые «государевы походы» 1654–1656 гг., более значительные цели. Вскоре среди ближайших задач Московского царства оказались завоевание польской короны для Алексея Михайловича, возвращение на Балтику и утверждение главенствующей роли в православном мире от Москвы до Иерусалима.

⁷³ О перипетиях его дела см.: *Лисейцев Д. В.* Тимофей Анкудинов: «одиссея» русского авантюриста середины XVII столетия // Дело Т. Анкудинова. Европейский авантюрист из Московии. Budapest, 2011.

⁷⁴ *Брехуненко В. А.* Указ. соч. С. 279–280; *Горобец В.* Указ. соч. С. 30.

⁷⁵ Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 46.

⁷⁶ По мнению М. С. Грушевского, опубликовавшего материалы посольства А. Млоцкого, именно эти слова о нарушении «вечного докончания» означали объявление войны Польше с одновременным «формальным переходом Украины» под «верховенство» царя. *Грушевський М.* Указ. соч. Т. IX. Кн. 1. С. 726; Кн. 2. С. 1536–1538.